

К ВОПРОСУ О РОЛИ РЕМЕСЛА В АВЕСТИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

А. С. Миксюк

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь
miksiukas@bsu.by*

Статья посвящена определению роли ремесла в авестийском обществе. Указывается, что в Авесте отсутствует божество, ответственное за покровительство ремеслу и ремесленникам, фактически нет терминов, обозначающих различные виды ремесленных занятий, нет упоминаний о торговле как особом виде деятельности, упоминаемые в тексте предметы быта, оружие, ритуальные принадлежности дают незначительную информацию об уровне развития технологий. Единственный термин Авесты, который можно связать с ремеслом как профессиональным занятием – это ав. *hūiti, hūtau-*. Определено, что во времена создания Авесты ремесло только начинало обособляться, ремесленники находились на стадии отмежевания и формирования отдельной социальной групп, не обладали особым социальным статусом и не наделялись специфическими хозяйственными, общественными, ритуальными функциями.

Ключевые слова: Авеста; авестийское общество; Древний Иран; зороастризм; ремесло; социальная структура; социальная группа.

TO THE QUESTION ON THE ROLE OF CRAFTS IN THE AVESTAN SOCIETY

A. S. Miksiuk

*Belarusian State University,
Nezavisimosti av. 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus,
miksiukas@bsu.by*

The article is devoted to the definition of the role of craft in the Avestan society. It is indicated that there is no deity responsible for patronage of crafts and artisans in the Avesta, almost no terms denoting various types of craft activities, no mention of trade as a special type of activity. Household items, weapons, ritual accessories mentioned in the text give little information about the development of technologies. The only term in the Avesta that can be associated with craft as a professional occupation is av. *hūiti, hūtau-*. It was determined that craft was just beginning to separate at the time of the Avesta. Artisans were at the stage of separation and formation of social group, they did not have a special social status and were not endowed with specific economic, social, ritual functions.

Keywords: Avesta; Avestan society; Ancient Iran; Zoroastrianism; craft; social structure; social group.

Определение роли ремесла в авестийском обществе является, бесспорно, актуальной задачей современной авестологии. Одной из

ключевых проблем изучения авестийского общества является проблема установления его хронологии и локализации, т. к., несмотря на многолетние исследования Авесты, однозначной и общепринятой концепции локализации авестийского общества на данный момент в исторической науке не существует.

Традиционные теории происхождения Авесты указывают на два возможных региона, но не дают окончательного и бесспорного ответа:

– «восточная теория»: одна из областей Средней Азии (вероятнее всего, Бактрия или Хорезм) [1, р. 265–274; 2, с. 14]);

– «мидийская теория»: Западный Иран (к примеру, [3, с. 381).

Во второй половине XX в. как результат ряда археологических открытий возникают теории, связывающие авестийское общество с некоторыми археологическими культурами: андроновская культура [4], культура Синташта [5], Бактриано-Маргианский археологический комплекс (БМАК) [6]. Выводы и заключения указанных теорий базируются, прежде всего, на реконструкции различных элементов материальной культуры. Таким образом, удовлетворительное решение проблемы локализации авестийского общества возможно только при формировании перечня параметров материальной жизни, социальных и ритуальных компонентов на основе анализа текстов Авесты и последующего сопоставления этого перечня с конкретными археологическими культурами.

Предметом рассмотрения данной статьи является ремесло как особый вид деятельности в авестийском обществе по данным самой Авесты. Прежде всего, отметим, что данный вопрос фактически не являлся предметом специального анализа в исторической науке. Существуют лишь единичные научные работы, посвященные авестийскому обществу в целом (к примеру, классическая монография В. Гейгера [7]), а также отдельным феноменам материальной и духовной культуры Авесты. Подобное положение дел во многом связано со скудностью данных Авесты относительно социальных реалий, сложностью их понимания и интерпретации.

Немаловажно, что ремесло и ремесленники не учитываются трифункциональной теорией Ж. Дюмезиля, в рамках которой выделяются три элемента индоиранского (авестийского) общества в зависимости от рода занятий и/или происхождения: жрец (ав. *zaotar-*), воин (ав. *nar-*) и земледелец-животновод (ав. *vāstar-*) [8, с. 30].

При анализе данных Авесты, устоявшимся в науке является учет наличия двух временных пластов: Старшей Авесты (Гат) и Младшей Авесты. Отметим, что Старшая Авеста, авторство которой приписывается традицией пророку Заратуштре, практически не

содержит сведений по устройству общества и, тем более, по интересующему нас вопросу.

Социальная организация авестийского общества на раннем этапе представлена двумя обособленными социальными группами: жрецы (ав. *zaotar-*, *maṇθran-*, *staotā*), которые обладали ритуальными функциями, и животноводы (ав. *vāstar-*, *vāstrya-*, *vāstra'vant*, *fsū'mant/fsuyant*), составлявшие основную часть общества [9]. Ремесло как особый вид занятия не выделяется, и в принципе отсутствуют данные, указывающие на наличие обособленной профессии ремесленника.

Тексты Младшей Авесты более информативны. Вместе с тем, можно отметить отсутствие некоторых маркеров, которые могли бы говорить о развитии ремесла и обособлении его в особый вид деятельности.

Так, Авесте не свойственен индоевропейский культ бога-кузнеца [10, с. 715]. В авестийском пантеоне в принципе отсутствует божество, ответственное за покровительство ремеслу и ремесленникам, культурным изобретениям в широком смысле (Энки у шумеров, Птах у египтян, Тваштар в Индии, Гефест у древних греков и др.).

Далее, фактически отсутствуют специальные термины, обозначающие различные виды ремесленных занятий. Исключением является ткачество: ав. *haṛəsauyāt*, т. е. «[она] ткёт», «[она] прядет» (Видевдат 5, 60–61; Видевдат 7, 20–21). Интерес в данном случае вызывает форма глагола, указывающая на то, что ткачество, очевидно, являлось сугубо женским занятием. Данное положение соотносится с мнением о том, что среди основных занятий в домашнем хозяйстве, которые были обязанностью женщин, ткачество выделяется уже в общеиндоевропейский период [10, с. 704]. Значение ткачества подтверждается и многочисленными упоминаниями слов, обозначающих различные предметы одежды и саму одежду, ав. *vastra-* (Ясна 55, 2; Яшт 5, 129, Видевдат 5, 38; Видевдат 8, 23 и др.) [11, р. 1385].

Наконец, в Авесте отсутствуют упоминания о торговле как особом виде деятельности, развитие которого, как правило, сопровождает ремесленное производство, а также о деньгах. Функцию платежного средства выполняют домашние животные: верблюд, бык, повозка с четырьмя быками, осел, овца и др. (Видевдат 7, 41–43; Видевдат 9, 37–38). Данный факт позволяет говорить о существовании архаического натурального хозяйства и подтверждает древность авестийских текстов.

Вместе с тем, о развитии ремесла в Младшей Авесте свидетельствуют упоминания об обработке металлов (Видевдат 7, 73–75), наличии сложных объектов материального мира, исполнение

которых требует высокого уровня мастерства (к примеру, ювелирные украшения, оружие, колесница и др.). Упоминание колесницы, по мнению Э. А. Грантовского, можно считать косвенным доказательством наличия военной знати, которая, по меньшей мере, должна была быть частично свободной от производительного труда и иметь альтернативные источники дохода, как и жречество. Также это может говорить о развитом ремесле [12, с. 318]. Однако многочисленные упоминаемые в Авесте предметы быта, оружие, ритуальные принадлежности (виды посуды, одежды, металлы и др.) дают незначительную информацию об уровне развития технологий. Важно также отметить, что многие предметы носят ритуальный характер, что не позволяет в полной мере реконструировать картину материального мира Авесты.

Отдельные исследователи отмечают, что в Авесте упоминаются процессы горения, парообразования, очистки и дезинфекции воды, экстракции, процесс плавления и разделения руд [13, с. 12]. Таким образом, можно говорить о достаточно высоком уровне ремесленного производства, но эта информация не позволяет сделать вывод о статусе ремесленников в обществе.

В Младшей Авесте социальная структура общества определяется устоявшейся формулой (Ясна 11, 6):

nōiṭ ahmi nmāne zānāite | **āθrava** naēda **raθaēštā** | naēda **vāstryō fšuyas** || āaṭ
ahmi nmāne zayāṇte | dahakāsa mūrakāsa | pouru.sarəda varšnāsa

В этом доме не родится ни жрец, ни воин, ни земледелец-животновод. Но в этом доме рождаются жальщие и слабоумные и многих видов дэвовские существа.

Таким образом, в Младшей Авесте по роду занятий выделяются три социальные группы, наделенные специфическими хозяйственными, общественными и ритуальными функциями:

- āθravan (жрец);
- raθaēštā (воин);
- vāstryō fšuyant (земледелец-животновод).

Важно, что каждая из упомянутых социальных групп вписана в систему авестийского мироздания и выполняет ритуальные функции.

Жрецы обеспечивают связь между миром людей и миром божественных сил, поддерживают мирное существование общества и мироздания в целом посредством ритуала. К примеру, упоминается о том, что в страны ариев (ав. airya daiñhāvō) не вторгнутся никакие враги, болезни, бедствия, если божествам (в частности Тиштрии) будут приноситься жертвы в соответствии с «законом» (Яшт 8, 56). Воины защищают общество от внешних врагов. Кроме того, образ героя-воина

восхваляется в контексте борьбы с силами зла, как дэвами, так и смертными. Так, многочисленные герои вместе с божествами просят у Ардвиги Суры Анахиты помощи в конкретных ситуациях (Яшт 5, 61–63; 76–77), военных побед (Яшт 5, стихи 22, 26, 34, 38, 54, 69, 73, 82, 109, 113, 130), обретения власти (Яшт 5, стихи 22, 26, 46, 50, 130). Наконец, земледелие называется в Авесте почетным занятием, его важность обосновывается не только с точки зрения производства продовольствия, но и положениями религиозного учения. Так, земледелие рассматривается как угодное Ахуре Мазде дело, содействующее победе сил добра над злом (Видевдат 3, 32).

В таком виде социальная структура общества в целом совпадает с моделью Ж. Дюмезиля. Вместе с тем, данная трехчленная формула, возможно, могла носить во многом идеальный характер и не в полной мере отражать социальные реалии. Данная социальная модель построена на представлениях индоиранцев (возможно, индоевропейцев) о сакральности цифры «три», которая проявляется во многих сюжетах Авесты. Так, с тремя упомянутыми социальными группами сравнивается по своим чертам почитаемая в зороастризме собака (Видевдат 18, 44–46), три социальные группы упоминаются в главах, касающихся правил проведения ритуалов очищения (Видевдат 5, 28; Видевдат 7, 6) и др.

Эту мысль подтверждает единичное упоминание ремесленников в составе стандартной трехчленной формулы (Ясна 19, 16–17):

aētaṭça vacō mazdaoxtəm | θri.afsməm caθru.pištrəm | paṇca.ratu rāiti
 haṇkərəθəm || kāiš hē afsmaṇ || humatəm hūxtəm hvarštəm ||
 kāiš pištrāiš || **āθrava raθaēštā vāstryō fšuyas hūitiš** | vīspaya irina hacimna
 naire ašaone | aršmanaṇha aršvacanaṇha arššyaoθna || ratuš mərəta daēnō.sāca |
 yeṇhe šyaoθnāiš gaēθā aša frādəṇte

И это слово, произнесенное Маздой, [имеет] три стиха, четыре состояния, пять рату, чтобы дать завершение. Какие его стихи?

Благая мысль, благое слово, благое дело.

*Какие состояния? **Жрец, воин, земледелец-животновод, ремесленник.** Все обязанности исполняющие для мужа праведного, праведной мысли, праведного слова, праведного деяния. Рату поминаемые, обученные религии, чьими деяниями живые существа истине содействующие.*

Таким образом, ав. hūiti, hūtaу- является единственным термином Авесты, который может быть связан с ремеслом как профессиональным занятием [11, p. 1823].

При этом отметим, что ремесленники в качестве отдельной социальной группы упоминаются в источнике единожды, что позволяет предположить, что они еще не играли в обществе значительной роли,

находились на стадии отмежевания и формирования отдельной социальной группы. Возможно, занятие ремеслом (ткачеством, кузнечным делом и др.) все еще рассматривалось в качестве дополнительного занятия, а не в качестве независимой профессии. Вероятнее всего, ремесленники вообще не выделялись в отдельную социальную группу, т. к. вышли из среды земледельцев-животноводов и во времена создания Авесты еще не имели особого социального статуса.

Устоявшимся в исторической науке считается мнение о том, что ремесленники были неполноправны в культовом и юридическом отношении в древнеиранском обществе. «Ремесленный труд считался "неблагородным" не сам по себе, а как работа за содержание или плату, т. е. как профессиональное ремесло» [14, с. 284]. Ремесленники могли объединяться в одну группу с наемными работниками, слугами, лично зависимыми людьми.

В этом контексте интересно отметить, что аналогичная четырехчленная формула с упоминанием ремесленников встречается в более поздних среднеперсидских (пехлевийских) текстах. Так, в списке вопросов в книге Дадестан-и меног-и храд, помимо прочих, вопрошается об обязанностях и пороках ремесленников, наряду с другими социальными группами (XXXII, 1–3; LIX, 5 и 10).

Таким образом, анализ авестийских текстов позволяет сделать следующие выводы: во времена создания Авесты ремесло как особый вид деятельность только начинало обособляться, ремесленники не играли в обществе значительной роли, не наделялись особыми хозяйственными и ритуальными функциями и не обладали особым социальным статусом. Очевидно, что занятия ткачеством, гончарством, металлургией, кузнечным делом и другими видами ремесла преимущественно являлись дополнительными занятиями и не рассматривались в качестве независимой профессии. Вместе с тем, появление особого термина для обозначения ремесленника (ав. *hūiti*, *hūta-*) позволяет говорить о начале формирования обособленной социальной группы, которая впоследствии закрепится в перечне единиц социальной структуры в среднеперсидский период.

Библиографические ссылки

1. Benveniste E. L'Ērān-vēz et l'origine legendaire des iraniens // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1933–35. № 7. P. 265–274.
2. Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М.: Вост. лит., 2007.
3. Дьяконов И. М. История Мидии с древнейших времен до конца IV в. до н. э. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1956.
4. Кузьмина Е. Е. Арии – путь на юг. М.: Летний сад, 2008.

5. Зданович Г. Б. Аркаим и «страна городов»: диалог культур // Аркаим и «страна городов»: археологические очерки / под ред. Г. Б. Здановича. Челябинск: Крокус, 2003. С. 3–20.
6. Сарияниди В. И. Задолго до Заратуштры (Археологические доказательства протозороастризма в Бактрии и Маргиане). М.: Старый сад, 2010.
7. Geiger W. Ostiranische Kultur im Altertum. Erlangen, 1882.
8. Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М.: Наука, 1986.
9. Миксюк А. С. Индоиранское общество во втором тысячелетии до н. э. (по данным Старшей Авесты) // Гуманитарно-экономический вестник. 2015. № 1. С. 26–35.
10. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры: в 2 т. Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1984.
11. Bartholomae C. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1904.
12. Грантовский Э. А. О распространении иранских племен на территории Ирана // История иранского государства и культуры: к 2500-летию Иранского государства: сб. науч. ст. / Главная редакция восточной литературы; редкол.: Б. Г. Гафуров (отв. ред.) [и др.]. М.: Наука, 1971. С. 286–326.
13. Саидмурадов Д. У. Зарождение, становление и развитие химических знаний в Центральной Азии: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02; Тадж. нац. ун-т. Душанбе, 2012.
14. История Востока: в 6 т. Т. 1: Восток в древности / отв. ред. В.А. Яковсон. М.: Вост. лит., 2002.